

море нелюдимое

«Билли Бадд» Бенджамина Бриттена в Мюнхене

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ МЮНХЕН

«Морскую» оперу Бенджамина Бриттена избрал для своей первой мюнхенской постановки Кент Нагано, готовящийся занять пост художественного руководителя Баварской оперы с будущего сезона. Тем самым дирижер, славящийся своим пристрастием к современной музыке, внятно заявил о своих репертуарных намерениях: активнее осваивать оперное наследие XX века.

Стальное чрево военного корабля пересекают плоскости трапов; в центре зияет мрачная дыра — круглое отверстие, куда, как грешники в ад, вереницей спускаются угрюмые матросы. Лишь в самом верху виднеется кусочек сумрачного неба, неприятно меняющего оттенки от серо-лилового до малинового. Никаких примет моря, волн, воды, свежести. Постановщики, Петер Муссбах и художник Эрих Вондер, вполне прочувствовали генеральную идею оперы Бриттена: это суровая притча о корабле-вселенной, модели государства. Герман Мелвилл, знаменитый американский маринист, на рассказе которого основано либретто, представлял себе идею корабля примерно так же — как метафору мироустройства.

В суровом мужском мире нет места женщинам — женщин на военном корабле не может быть по определению. В однополюсной вселенной иерархия взаимоотношений строится по уставу военного времени — словно по уставу монастыря. В этом бриттеновский «Билли Бадд» отчасти смыкается с «Парсифалем»: мужское братство, аскетизм, идея верности долгу, а главный герой — «естествен-

ный человек». Билли-найденш, подобно Парсифалю, не помнит родителей, не знает ни места, ни дня своего рождения. В финале Бадд (Натан Ганн) ожидает казни, поникнув телом на мачте, как на кресте. Капитан Вир (Джон Дасзак), с усилием поднявшись, снимает тело и, перекинув через плечо, тяжело шагает по наклонным сходням. Отчетливые ассоциации с массой полотен на темы «Снятие с креста» и «Положение во гроб» неизбежны.

Интересно поставить «Билли Бадда» — непростая задача: опера лишена развлекательных моментов и жанровых отвлечений. Три часа без малого звучат лишь мужские голоса — соло, в ансамблях и замечательно красивых, полифонически изощренных хорах (главный хормейстер Андрес Масперо добился от хора потрясающей слаженности и точности исполнения). Нагано усложнил задачу, выбрав первую, четырехактную редакцию оперы 1951 года. Скупая и холодная тембровая окраска оркестра, графическая простота линий партитуры; тревожные пунктиры труб — словно морзянка, SOS. С первых минут спектакля в воздухе витает предчувствие беды. Матросы, сцепившись руками,

ввинчиваются в нутро корабля, хороводом обходят яму, постепенно заполняя все уровни, до самого верха — движение людской массы завораживает. Фигуры солистов на мостике, повисшем над бездной, напротив, выглядят картинно и рельефно: квадратные плечи мундиров, круглые плоскости фуражек... Режиссер словно играл в солдатики, расставляя на сцене живых людей. Само же сценическое оформление предельно статично. Образ корабля не претерпевает изменений — это постоянная величина. Величина переменная — люди, кровь, текущая по жилам и артериям корабля-монстра. Ее не жалко расходовать, не жалко пролить, она на «Неукротимом» льется рекой. Бесконечные экзекуции, драки, избиения — воздух корабля напоен агрессией.

«Билли Бадд» — редкий случай, когда режиссерская, сценарно-графическая и музыкальная интерпретации равно значительны и философичны. Разносторонне образованный Муссбах (пианист, театровед, искусствовед, ныне — интendant берлинской Staatsoper Unter den Linden) сумел создать выразительный образ корабля-команды как единого существа. Кент Нагано достиг того же ощущения музыкальными средствами: оркестр был абсолютно адекватен визуальному ряду и звучал безукоризненно. Хочется выделить глубокую актерскую и вокальную работу Джона Дасзака (Капитан Вир), вызвавшую бурю восторгов. Впрочем, для фестивальных спектаклей Мюнхенской оперы идеальный вокал и правильный кастинг — норма, не предполагающая отступлений.